

Королева Солнца

Андрэ Нортон
Саргассы в космосе

«Наследник Стругацких»

1955

Нортон А.

Саргассы в космосе / А. Нортон — «Наследник Стругацких»,
1955 — (Королева Солнца)

Книга «Саргассы в космосе», вышедшая в свет в середине 60-х, произвела настоящий фурор среди любителей приключенческой фантастики. Роман был канонизирован как классический образец «американской космической фантастики 50-х годов», стал легендой и оставался ею больше двадцати лет. И мало кому было известно, что легенду создали два неизвестных переводчика С. Бережков и С. Витин, известные всему миру как братья Стругацкие. Затем вспыхивает звезда Джона Уиндема. И снова русскую версию романа «День триффидов» создали Аркадий и Борис Стругацкие... Андрэ Нортон, Джон Уиндем, Хол Клемент – в пантеон российских классиков мировой фантастики их всех ввело волшебное перо братьев Стругацких.

© Нортон А., 1955

© Наследник Стругацких, 1955

Содержание

1. “Королева Солнца”	5
2. Распродажа миров	12
3. Кот в мешке	19
4. Высадка на Лимбо	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эндрю Нортон

Саргассы в космосе

(Королева Солнца-1)

1. “Королева Солнца”

Худощавый, очень молодой человек в необмятой форме Торгового флота попытался вытянуть затёкшие ноги. “На кого они рассчитывали, когда проектировали эти вагоны? – с некоторым раздражением подумал он. – Они, верно, воображали, будто в их межконтинентальных подземках станут ездить одни карлики”. В который уж раз он пожалел, что не смог позволить себе взять место на самолёте. Но ему стоило только ощупать свой тощий кошелек, чтобы вспомнить, кто он и что он: Дэйв Торсон, новичок в Космофлоте, без корабля и без протекции.

В кошельке были подъёмные, положенные выпускнику Школы, и жиденькая пачка мятых кредиток – все, что удалось выручить за вещи, которые не берут с собой в космос. Остался у него только небольшой чемодан, вмещавший все его пожитки, и ещё тонкая металлическая бляха, на которой вырезаны и выбиты непонятные ему значки. Эта бляха была его пропуском в будущее, в светлое будущее, как твёрдо решил Дэйв.

Впрочем, не забывай, что до сих пор тебе тоже везло. Всё-таки не каждый мальчишка из федерального приюта получает путёвку в Школу и десять лет спустя становится помощником суперкарга, готовым к назначению на космический корабль. Тут он вспомнил о последних неделях в Школе, о свирепых экзаменах и содрогнулся. Основы механики, введение в астрогацию, а потом – экзамены по специальности: обработка грузов для перевозок, техника погрузки, торговые операции, галактические рынки, внеземная психология и прочее, и прочее... Все это он втискивал в свой мозг, и временами ему казалось, что в голове у него ничего нет, кроме каких-то кусочков и обрывков, которые он уже никогда больше не сможет увязать в разумное целое. Мало того, что учиться было трудно, – угнетали также эти новые веяния в системе распределения выпускников.

Дэйв хмуро уставился на спинку сиденья перед собой, большинство курсантов принадлежали к семьям работников Торгового флота, они уходили в него корнями. Похоже, что работники Торгового флота превращаются в закрытую касту. Сыновья уходят в Космофлот вслед за отцами и братьями, и человеку без связей все труднее становится получить путёвку в Школу. Ему повезло...

Взять, например, Сэндза. У него все служат в “Интерсолар” – два старших брата, дядя, двоюродный брат. И он никогда и никому не даёт забыть об этом. А ведь стоит выпускнику получить назначение на корабль большой компании вроде “Интерсолар”, и он обеспечен до конца дней своих. Компании держат в руках все регулярные рейсы между планетными системами. Их космолетчики всегда спокойны за своё место, им дают возможность приобретать акции своей компании, а когда приходит пора оставить космос, обеспечивают пенсией или предоставляют административную должность, если они хоть как-то проявили себя. Ребятам вроде Сэндза достаются самые сливки Торгового флота – “Интерсолар”, “Комбайн”, “Денеб-Галактик”, “Фолворт-Игнести”...

В дальнем конце обтекаемого вагона телевизионная реклама восхваляла импортные товары “Фолворт-Игнести”. Дэйв, помаргивая, глядел на экран, но ничего не видел и не слышал. Все решит Психолог. Дэйв снова пощупал кошелек: опознавательный жетон в потайном кармашке был в целости и сохранности.

Реклама потускнела и сменилась красной надписью. Дэйн дождался лёгкого толчка, возвестившего об окончании двухчасового пути, и поднялся. Он с облегчением выбрался наружу и извлёк свой чемодан из груды багажа в багажном вагоне.

Большинство пассажиров было из торгового флота, но лишь немногие щеголяли эмблемами больших компаний. В основном это были бичкомеры, или вольные торговцы, люди, которые по вздорности характера или по каким-либо причинам не приживались в мощных организациях и кочевали с одного корабля-аутсайдера на другой, люди, стоящие на самой нижней ступени в иерархии Торгового флота.

Взвалив чемодан на плечо, Дэйн поднялся в лифте и вышел под палящее южное солнце. На бетонной полосе, огораживающей изрытое и обожжённое взлётное поле, он задержался, разглядывая ряды стартовых установок. Тупоносые межпланетные торговцы, совершающие рейсы на Марс и в пояс астероидов, а также корабли для полётов на спутники Сатурна и Юпитера его интересовали мало. Звездолёты – вот что ему было нужно. Они возвышались вдали, их гладкие бока лоснились от предохранительной смазки, и пыль чужих миров ещё лежала, быть может, на их опорных стабилизаторах...

– Ба, да это Викинг! Что, Дэйн, высматриваешь себе кораблик получше?

Дэйн стиснул зубы, но когда он повернулся, лицо его вновь было спокойным и непроницаемым.

Артур Сэндз явно строил из себя старого космического волка, и это, как с удовольствием отметил Дэйн, выглядело весьма забавно в сочетании с его сверкающими ботинками и новёхонькой формой. Но всё же манеры Сэндза, как всегда, возбудили в нём скрытое раздражение. Вдобавок с Артуром были его обычные подпевалы – Рики Уорэн и Хэнлаф Баута.

– Только что прибыл, Викинг? Надо понимать, судьбы ты ещё не пытал? Мы тоже. Пошли погибать вместе.

Дэйн колебался. Менее всего ему улыбалось предстать перед Психологом в компании с Артуром Сэндзом. Снисходительная самоуверенность этого типа действовала ему на нервы. Сэндз явно рассчитывал на самый лучший кусок, а школьный опыт показал, что Сэндз получает то, на что рассчитывает. Дэйн же давно привык сомневаться в своём будущем. И если сейчас ему выпадет незавидный жребий, то лучше пусть это произойдёт без свидетелей. Однако он понимал, что отделаться от Артура невозможно, и покорно отправился сдавать чемодан в камеру хранения.

Они, конечно, прибыли самолётом, подумал он. Артур со своими присными не привык себе в чем-нибудь отказывать. А интересно, почему это они до сих пор не были у Психолога? Что они здесь делали целый час? Решили истратить своё последнее свободное время на прогулочку? Неужели... Дэйн ощутил лёгкое замирание сердца. Неужели им тоже не по себе, неужели они тоже боятся ответа машины?

Впрочем, от этой мысли ему тотчас пришлось отказаться: когда он снова присоединился к ним, Артур разглагольствовал на свою излюбленную тему.

– Машина, видите ли, беспристрастна! Все это детские сказки, которыми пичкают в Школе. Слыхали мы эту болтовню – человек, мол, назначается на должность, которая соответствует его характеру и его таланту, корабль-де должен обслуживаться идеально притёртым экипажем... Все это мыльные пузыри! Если “Интерсолар” хочет заполучить себе парня, она его получит, и никакой Психолог не сможет всучить ей того, кого она не хочет! А это все разговоры для сопляков, не знающих, где у корабля нос и где корма... или для тех, у кого ума не хватает подыскать себе хорошее местечко. Меня вот не засунут на край света, на какой-нибудь заморённый торговец...

Рики и Хэнлаф с восторгом внимали каждому его слову. Но Дэйн не желал слушать такие разговоры. Вера в неподкупность Психолога была единственным, за что он цеплялся последние

дни, когда Артур и ему подобные важно расхаживали по Школе, совершенно убеждённые, что быстрое продвижение им обеспечено.

Он всегда предпочитал верить официальному утверждению, что реле и импульсы машины не подвержены воздействию извне, что судьба всякого, кто обращается к машине за назначением, решается совершенно объективно. Ему хотелось верить, что, когда он бросит в машину свой опознавательный жетон, электронному Психологу будет безразлично, что он сирота, что у него нет родственников в Торговом флоте, что кошелек его тощ и не может повлиять на его судьбу, и решение будет зависеть только от его знаний, от школьной характеристики, от его характера и способностей.

Но семена сомнений были брошены, неуверенность росла, и по мере приближения к залу назначений он шагал все медленней помедленней. Впрочем, он ни за что на свете не дал бы заметить своё беспокойство Артуру и его прихвостням.

Упрямая гордость толкнула его вперёд, и он первым из четверых сунул свой жетон в щель машины. Пальцы его непроизвольно дёрнулись вдогонку, но жетон уже исчез, и Дэйн, справившись с собой, уступил место Артуру.

Электронный Психолог представлял собой всего-навсего ящик, куб сплошного металла – таким он по крайней мере казался сейчас выпускникам. “Насколько легче было бы ждать, – подумал Дэйн, – если бы мы своими глазами могли наблюдать, что происходит внутри этого сундука, как машина оценивает, сравнивает, комбинирует значки и насечки на наших жетонах, пока не подберёт нам подходящие корабли из тех, что прибыли сюда в порт и подали заявки на помощников суперкарго”.

Длительные перелёты, когда маленький экипаж закупорен в звездолёте почти без отдыха и без развлечений, приводили в прошлом к страшным трагедиям. На лекциях по истории Торгового флота, которые читались в Школе, рассказывали о таких случаях. Потом появился Психолог и стал с беспристрастной объективностью распределять нужных людей на нужные корабли в соответствии с их профессиональной подготовкой и составом экипажа, так чтобы их деятельность протекала с наибольшей отдачей и в наиболее благоприятной обстановке. В Школе никто не рассказывал курсантам, как работает Психолог, как он читает значки на жетонах, но известно было, что решение машины фиксируется на жетонах, что оно окончательное и обжалованию не подлежит.

“Так нас учили, – думал Дэйн, – в это я всегда верил, и разве это может быть неправдой?”

Мысли его были прерваны медным звоном в недрах машины – это вернулся один из жетонов, на его поверхности появилась новая надпись. Артур схватил его и мгновение спустя торжествующее заорал:

– “Звёздный скоростной”! “Интерсолар”!.. Я знал, малыш, что ты не подведёшь старину Артура! – Он покровительственно похлопал машину по плоской крышке. – Ну, ребята, говорил я вам, что для меня он постарается.

Рики энергично закивал, а Хэнлаф даже позволил себе шлёпнуть Артура по спине. Волшебник Сэндз сотворил чудо.

Следующие два медных удара раздались почти одновременно, и два жетона, звякнув, выпали из машины одни на другой. Рики и Хэнлаф схватили их. Лицо Рики разочарованно вытянулось.

– “Марс—Земля инкорпорэйтед”... – прочитал он вслух. – “Искатель приключений”...

Дэйн видел, как дрожат его пальцы, запикивающие жетон в кармашек на поясе. Не будет у Рики ни дальних звёзд, ни великих подвигов, а уготовано ему незавидное местечко в системе околосолнечных сообщений, где так много конкурентов и так мало надежд на славу и богатство.

Зато Хэнлаф был в восторге.

– “Воин Денеба”! “Комбайн”! – вскричал он, не слушая несчастного Рики.

Артур, ослабившись, протянул ему руку.

– Давай пять, враг мой! – сказал он. Он тоже не обращал внимания на Рики, словно его бывший приятель перестал существовать.

– Держи, конкурент! – отвечал Хэнлаф. Его обычного раболепия как не бывало.

Ему поразительно повезло. “Комбайн” был мощной компанией, настолько мощной, что последние два года она с успехом бросала вызов самой “Интерсолар”. Она выхватила из под носа у “И-С” правительственный контракт на почтовые перевозки и сумела завладеть концессией на эксплуатацию рейсов в одной из планетных систем. Вполне вероятно, что отныне Артур и его бывший подпевала никогда больше не встретятся по-приятельски, но сейчас главным для них была их общая удача, а все прочее пока не имело никакого значения.

А Дэйн все ждал. Может, жетон там где-нибудь заело? Может, пойти поискать кого-нибудь из администрации и спросить, что делать? Ведь он бросил жетон первым, а тот все не возвращается. Вот и Артур это заметил...

– Так-так, а для Викинга кораблика-то все нет! Видно, не просто подобрать корыто по твоим редкостным талантам...

“А может это и на самом деле так? – несмело подумал Дэйн. – Может, сейчас в порту нет корабля, который нуждался бы в специалисте моего типа? Тогда что же – мне придётся торчать здесь и ждать, пока такой корабль прибудет?”

Артур словно читал его мысли. Его торжествующая ухмылка превратилась в издевательский оскал.

– Что я вам говорил, ребята? – провозгласил он. – У Викинга не нашлось нужных людей. А не сходить ли тебе за чемоданчиком, парень? Устроишься здесь где-нибудь в уголке и подождёшь денёк—другой, пока Психолог не разродится.

Хэнлаф нетерпеливо дёрнулся. Теперь он чувствовал себя совершенно независимым, и Артур ему был не указ.

– Я подышаю с голоду, – объявил он. – Пошли пожрём... а потом поищем свои корабли...

Артур помотал головой.

– Подождём ещё минутку. Я хочу собственными глазами посмотреть, достанется ли ему какой-нибудь кораблик... или такого вообще нет в порту?..

Дэйн терпел. Только это ему и оставалось – делать вид, будто ничего особенного не происходит, а на Артура и его банду ему наплевать. Но что всё-таки случилось? Работает машина или жетон просто затерялся где-то в се таинственных потрохах? Если бы не Артур с его подлыми шуточками, он бы давно побежал за помощью.

Рики был уже в дверях, он словно чувствовал, что теперь в этой компании ему не место, что несчастливое назначение навсегда превратило его в парию. Хэнлаф тоже повернулся, чтобы уходить, но тут медный удар прозвучал в четвёртый раз. Дэйн ринулся к машине одновременно с Артуром, но оказался быстрее. Он выхватил жетон из-под самых пальцев наглого счастливого.

Светящегося значка – символа крупной компании – не жетоне не было, это Дэйн увидел сразу же. Значит... значит, он обречён всю жизнь прозябать в солнечной системе... та же унылая судьба, что у Рики?

Нет, здесь есть звёздочка, она дарует Галактику... а вот и название звездолёта... не компании, правда, но всё-таки звездолёта... “Королева Солнца”. Никогда прежде Дэйн не считал себя тугодумом, но сейчас он не сразу понял, что произошло.

Если названия компании нет, а есть только название корабля, значит... Вольный торговец! Один из бродяг и гончих псов космоса, что рыщут по звёздным тропинкам, которыми большие компании пренебрегают, ибо тропинки эти слишком новые, слишком опасные и не сулят верной прибыли. Да, это тоже отряд Торгового флота, и непосвящённые находят в них некую романтику. Но у Дэйна на миг упало сердце. Для честолюбивого человека вольная тор-

говля – это почти наверняка тупик. Даже преподаватели в Школе, говоря об этом предмете, старались ограничиться лишь самыми необходимыми сведениями. Слишком часто вольная торговля оборачивалась игрой со смертью, гибелью от страшных болезней, войнами с чужими враждебными племенами. Слишком часто вольные торговцы рисковали не только прибылью и кораблём, но и головой. Вот почему в иерархии Космофлота эта профессия считалась самой незавидной. Да что там говорить, любой выпускник с радостью предпочёл бы судьбу Рики назначению на вольный торговец!

Дэйн был ошеломлён и потому забыл об осторожности. Рука Артура протянулась через его плечо и выхватила жетон.

– Вольный торговец! – проорал Сэндз на весь порт.

Рики остановился в дверях и обернулся. Хэнлаф коротко заржал, Артур залился смехом.

– Так вот ты у нас каков, Викинг? Ты будешь космическим викингом... Колумбом звёздных дорог... бродягой далёких пространств! А умеешь ли ты обращаться с бластером, приятель? Не пойти ли тебе позубрить правила контакта с внеземными племенами? Ведь с земными племенами вольные торговцы встречаются нечасто. – он повернулся к Хэнлафу и Рики. – Пошли, ребята! Закатим Викингу роскошный обед, ведь он, бедняга, до конца жизни обречён теперь сидеть на концентратах.

Он ухватил Дэйна за руку. Вырваться ничего бы не стоило, но надо было сохранить лицо и не утратить достоинства, и Дэйн пошёл за ним, подавив ярость.

Шуточки Артура вызвали у него упрямое стремление отыскать в своём положении что-нибудь хорошее. В первую секунду, когда он прочёл на жетоне свою судьбу, он был совершенно подавлен, но теперь настроение его вновь поднялось. Пусть вольный торговец не считается фигурой в Космофлоте, пусть лишь немногие из них гордо расхаживают по крупным портам, где гораздо чаще можно увидеть служащих крупных компаний. Но никто не станет отрицать, что на окраинах космоса сколочено немало состояний и что вольные торговцы не из тех, кто теряется.

В Торговом флоте не было строгих кастовых разграничений, космолетчики различались не по рангам, а по месту службы. Огромная столовая в порту была открыта для любого посетителя в форме Космофлота. Большие компании имели здесь собственные залы, где их служащие расплачивались талонами. Транзитники же и новички, не приписанные ещё к определённому кораблю, устраивались обычно за столиками поблизости от входа.

Дэйн первым сел за свободный столик и сразу нажал на клавишу автокассы. Хоть он и вольный торговец, но даёт этот банкет он, и даже если этот шикарный жест будет стоить ему половины всех его капиталов, это лучше, чем съесть хоть один кусок, оплаченный Артуром.

Они набрали на диске заказ и посидели, озираясь по сторонам. Из-за столика неподалёку поднялся человек с молнией инженера-связиста в петлице. Два его сотрапезника продолжали методично жевать, а он направился к выходу. У него было лицо восточного типа, но чрезмерно широкая грудная клетка выдавала в нём марсианского колониста второго или третьего поколения.

Те двое, что остались за столом, были в ранге помощников. Один носил значок штурмана, у другого в петлице красовалась шестерёнка механика. Он-то и привлёк внимание Дэйна.

Помощник суперкарга подумал, что никогда ему не приходилось видеть такой дерзкой красивой физиономии. Жёсткие чёрные волосы были подстрижены коротко, но заметно было, что они вьются. Тонко очерченное лицо покрыто космическим загаром, тёмные глаза прикрыты тяжёлыми веками, а углы слишком ярких для мужчины губ искривлены едва заметной цинично-весёлой усмешкой. Это был типичный телевизионный герой-космопроходец, и он сразу не понравился Дэйну.

Зато сосед этого красавца, негр, был скроен грубо, словно вытесан из гранитной глыбы. Он что-то оживлённо рассказывал, между тем как механик вяло отвечал ему односложными словами.

Вскоре Дэйн отвлёкся от них, потому что Артур вновь выпустил своё ядовитое жало.

– “Королева Солнца”! – провозгласил он, излишне громко, по мнению Дэйна. – Вольный торговец! Да, Викинг, нюхнёшь ты жизни, это уж точно. Одно утешение – нам можно будет общаться с тобой по-прежнему... конкурент из тебя, сам понимаешь...

Дэйну удалось выжать из себя подобие улыбки.

– Какой ты добрый, Сэндз! Теперь мне не на что жаловаться – до меня снизошёл служащий “Интерсо-лар”...

Рики прервал его.

– А ведь это опасно – вольная торговля, – произнёс он.

Артур нахмурился. Опасности всегда присуще некое очарование. Он поспешил возразить:

– Брось, Рики! Неужели ты воображаешь, будто все эти вольные непременно имеют дело с новыми мирами? Многие сидят на регулярных рейсах между планетками победнее, где большими компаниям делать нечего. Вот увидишь, придётся нашему Дэйну мотаться взад-вперёд между двумя городишками под куполами... там ему даже нос из скафандра нельзя будет высунуть...

“А тебе этого, видно, очень хочется, – сказал Дэйн про себя. – Того, что со мной уже случилось, тебе недостаточно”. Несколько секунд он размышлял, почему это Сэндзу доставляет такое удовольствие жалить его.

– Да, ты прав... – поспешно согласился Рики. Но Дэйн перехватил его взгляд и заметил в глазах у Рики какую-то тоску.

Артур театральным жестом поднял кружку.

– За Торговый флот! – провозгласил он. – Да сопутствует удача “Королеве Солнца”! Ведь удача тебе ох как пригодится, Викинг!

Дэйн вновь почувствовал себя уязвлённым.

– Не знаю, не знаю, Сэндз, – возразил он. – Бывало, что вольные торговцы делали большие дела. А риск...

– Вот то-то и оно, старик, риск! А кости падают то так, то эдак. На одного вольного торговца, который чего-то добился, приходится сотня таких, которым нечем оплатить стоянку в порту. Да, старик, жалко, что ты не обзавёлся знакомствами среди сильных мира сего.

И тут Дэйн решил, что с него хватит. Он откинулся на спинку стула и поглядел на Артура в упор.

– Я отправлюсь туда, куда меня назначил Психолог, – сказал он ровным голосом. – Все эти разговоры насчёт ужасов вольной торговли ничего не стоят. Походим сначала годик в космосе. Сэндз, а потом поговорим...

Артур расхохотался

– Точно! Я – годик в “Интерсолар”. ты – годик на своём разбитом корыте. Ставлю десять против одного, Викинг, что, когда мы встретимся в следующий раз, у тебя не будет ни гроша и мне придётся заплатить за твой обед. А теперь, – он поглядел на часы, – теперь я намерен взглянуть на свой “Звёздный скороход”. Кто со мной?

Очевидно, послушные Рики и Хэнлаф. Во всяком случае, ушли они все вместе. А Дэйн остался сидеть за столиком, приканчивая отличный обед, уверенный, что пройдёт много времени, прежде чем ему доведётся снова попробовать что-либо подобное. Он надеялся, что вёл себя достойно, хотя Сэндз безмерно надоел ему.

Но он недолго оставался в одиночестве. Кто-то придвинул стул Рики и сел напротив.

– Ты на “Королеву Солнца”, приятель?

Дэйн резко поднял голову. Опять Артуровы шуточки? Но перед ним сидел негр, помощник штурмана с соседнего столика, и при виде его открытого лица Дэйн немного оттаял.

– Только что назначен, – сказал он и протянул через стол свой жетон.

– Дэйн Торсон, – прочитал вслух помощник штурмана. – А меня зовут Рип Шеннон... Рипли Шеннон, если тебе угодно, чтобы я представился по всей форме. А это, – он поманил пальцем телевизионного героя, – это Али Камил. Мы оба с “Королевы”. Ты, значит, помощник суперкарга, – заключил он полувопросительно.

Дэйн кивнул и поздоровался с Камилем, надеясь, что скованность, которую он ощущал, не очень заметна на его лице и в голосе. Ему показалось, что Камил смотрит на него откровенно оценивающим взглядом и при этом, кажется, думает, что Дэйн – не находка.

– Мы как раз собираемся на корабль, – сказал Рип. – Пойдёшь с нами?

От него веяло такой дружеской простотой, что Дэйн тут же согласился. Они вышли из столовой, уселись в кар и покатали через взлётное поле к стартовым установкам звездолётов, маячившим вдали. Рип болтал без умолку, этот здоровяк нравился Дэйну все больше и больше. Шеннон был старше, в скором времени ему предстояло, вероятно, перейти на самостоятельную работу; он рассказал Дэйну кое-что о “Королеве” и её экипаже, и Дэйн был искренне благодарен ему.

По сравнению с гигантскими суперкосмолетами компаний “Королева” была сущим лилипутом. Экипаж её состоял всего из двенадцати человек, и каждому приходилось выполнять больше одной обязанности – жёсткой специализации на борту вольного торговца не бывает.

– Сегодня мы уходим с грузом к Наксосу, – прояснил Рип. – А оттуда... – он пожал плечами. Кто знает – куда?

– Во всяком случае, не к Земле, – сухо вставил Камил. – Так что прощайтесь с домом надолго, Торсон. На эту дорожку мы попадём теперь нескоро. Мы и сейчас-то здесь только потому, что подвернулся особый груз, такое случается раз в десять лет.

Дэйну показалось, что красавчик старается запугать его.

Кар обогнул первую из исполинских стартовых башен. Вот они, корабли компаний, в собственных дюках – иглоподобные носы вонзаются в небо, вокруг кишат люди, идёт догрузка. Дэйн не мог оторвать глаз от этих гигантов, но он не повернул головы, когда кар свернул влево и покатился к другому ряду стартовых установок. Кораблей здесь было мало, всего полдюжины, и они были гораздо меньше по размерам – вольные торговцы, готовые к взлёту. И Дэйн не очень удивился, когда кар затормозил возле трапа самого потрепанного из них.

Но была в голосе Рипа любовь и неподдельная гордость, когда он объявил:

– Вот она, приятель, “Королева Солнца”, лучший торговец на звёздных трассах. Она настоящая леди, наша “Королева”!

2. Распродажа миров

Дэйн вошёл в служебную каюту суперкарго. Здесь, в окружении кассет с микроплёнкой, проекторов и прочей аппаратуры, необходимой каждому опытному торговцу, восседал за столом человек, совершенно непохожий на суперкарго, каким представлял его себе Дэйн. Преподаватели, читавшие в Школе лекции по торговому делу, были людьми гладкими, холёными и внешне мало отличались от преуспевающих земных администраторов. В них не было ничего от космоса.

Что же касается суперкарго Дж.Ван Райка, то о принадлежности его к Космофлоту говорила не только форменная одежда. Это был огромный мужчина, не жирный, но чрезвычайно плотный. У него были белесые реденеющие волосы и широкое лицо, скорее красное, чем загорелое. Заполняя каждый дюйм своего мягкого кресла, он глядел на Дэйна с сонным безразличием, и с таким же сонным безразличием разглядывал Дэйна большущий полосатый кот, развалившийся тут же на столе.

Дэйн отдал честь.

– Помощник суперкарго Торсон прибыл на борт, сэр! – отчеканил он лихо, как учили в Школе, и положил на стол свой опознавательный жетон.

Однако его новый начальник не шевельнулся.

– Торсон... – прогудел он глубоким басом, исходившим, казалось, из самых недр его огромного туловища. – Первый рейс?

– Да, сэр.

Кот сощурился и зевнул, а Ван Райк все глядел на Дэйна оценивающим взглядом.

– Явитесь к капитану, он вас зачислит, – сказал он наконец.

И это было все. Несколько ошарашенный, Дэйн поднялся в секцию управления. В узком коридоре его нагнал какой-то офицер, и ему пришлось прижаться к стене, чтобы освободить проход. Это был тот самый инженер-связист, который обедал за одним столиком с Рипом и Камилом.

– Новенький? – коротко бросил он на ходу.

– Да, сэр. Я должен...

– Каюта капитана выше, – сказал связист и скрылся.

Дэйн, не торопясь, пошёл следом. “Королеву” действительно назовёшь гигантом межзвёздных трасс – на ней не было того комфорта и разных новейших приспособлений, которыми славились корабли компаний. Но даже новичок заметил бы, что на борту “Королевы” царит идеальный порядок. Да, у неё обшарпанные борта, и снаружи она выглядела потрёпанной и несколько помятой, но зато внутри придраться было не к чему: сразу видно, что корабль находится в хороших руках. Дэйн поднялся на следующую палубу и постучал в полуоткрытую дверь. Нетерпеливый голос приказал войти, и он вошёл.

На мгновение он растерялся – ему почудилось, что он попал в музей космозоологии. Стены тесной каюты были увешаны огромными фотографиями. Нечего только не было на этих фотографиях! Внеземные животные, которых он видел и о которых только слышал, перемешались здесь с чудищами, словно бы выскочившими из тяжёлых кошмаров. А в небольшой клетке, которая покачивалась под низким потолком, сидело голубое существо – немыслимая помесь попугая и жабы, если только бывают жабы о шести ногах, две из которых с клешнями. Когда Дэйн вошёл, существо просунуло голову между прутьями клетки и хладнокровно плюнуло в него.

Потрясённый Дэйн стоял столбом, пока его не привёл в себя скрипучий окрик:

– Ну, в чём дело?

Дэйн поспешно отвёл взгляд от голубого чудища и увидел сидящего под клеткой человека. Грубое лицо капитана Джелико было изуродовано шрамом, идущим через щеку. Такие шрамы остаются после ожога от бластера. Из-под фуражки с капитанской кокардой торчали седые волосы, а глаза были такие же холодные и властные, как выпученные глазки обитателя клетки.

Дэйн опомнился.

– Помощник суперкарго Торсон прибыл на борт, сэр! – доложил он и снова предъявил свой жетон.

Капитан нетерпеливо выхватил жетон у него из пальцев и спросил:

– Первый рейс?

Дэйн вновь был вынужден ответить утвердительно, хотя ему очень хотелось бы сказать: “Десятый!”

В этот момент голубое животное испустило душераздирающий вопль, и капитан, откинувшись в кресле, звонко шлёпнул ладонью по дну клетки. Животное замолчало и принялось плевать. Капитан бросил жетон в рекордер бортжурнала и нажал кнопку. Официальное зачисление состоялось. Дэйн позволил себе немного расслабиться. Теперь он был членом экипажа “Королевы”, теперь уж его не вышвырнут.

– Старт в восемнадцать ноль-ноль, – сказал капитан.

– Идите устраивайтесь.

– Слушаю, сэр, – сказал Дэйн.

Справедливо полагая, что приказ быть свободным получен, он отдал честь и с радостью покинул зверинец капитана Джелико – хоть там был всего один живой экспонат.

Спускаясь в грузовой отсек, он размышлял, откуда, из какого странного мира взялось это голубое существо и чем оно могло полюбить капитана – настолько, что тот всюду таскает его за собой. По мнению Дэйна, в этой твари решительно не было ничего такого, что могло бы вызвать симпатию.

Груз, который “Королеве” предстояло доставить на Наксос, был уже на борту: проходя мимо трюма, Дэйн заметил, что грузовой люк опечатан. Таким образом, служебных обязанностей в этом порту у Дэйна больше не было. Он направился в маленькую каютку, которую указал ему Рип Шэннон, и переложил свои нехитрые пожитки в шкаф.

Новое жилище показалось ему роскошным, он никогда не имел такого. В Школе у него были только подвесная койка и шкафчик. Так что, когда прозвучал сигнал приготовиться к старту, Дэйн был совершенно доволен жизнью, и никакие артуры сэндзы не могли бы испортить ему настроение.

С остальными членами экипажа Дэйн познакомился уже в космосе. В рубке управления, помимо капитана, нёс вахту Стин Вилкоккс, тощий шотландец лет тридцати с небольшим. Он был штурманом “Королевы”, а до поступления в Торговый флот работал помощником штурмана в Службе изысканий. Кроме того, в секцию управления входили инженер-связист марсианин Тан Я и помощник Вилкоккса Рип.

Инженерная секция тоже состояла из четырех человек. Начальником там был Иоганн Штоц, молчаливый молодой человек, ничем, видимо, не интересовавшийся, кроме своих двигателей. Из рассказов Рипа Дэйн заключил, что Штоц был своего рода гениальным механиком и мог бы подыскать себе место получше, чем стареющая “Королева”, но предпочёл остаться и принять вызов, который она бросала его искусству. Помощником у Штоца был элегантный, даже фатоватый Камил. Впрочем, при всём его зазнайстве и напускной небрежности Камилу под таким начальником, как Штоц, вполне удавалось справляться со своими обязанностями – “Королева” не несла мёртвого груза. Остальные двое в штате инженерной секции представляли собой нечто вроде звёздной пары гигант – карлик.

Впечатление они производили поразительное. В роли гиганта выступал Карл Кости, грозный, похожий на медведя мужчина, неуклюжий на вид, но в работе точный и надёжный, как узел прекрасно налаженного механизма. Вокруг него, словно муха вокруг быка, вертелся малорослый Джаспер Виск. Лицо у него было худое и настолько выбеленное венерианскими сумерками, что даже космическое излучение не могло придать ему естественный коричневый цвет.

Коллеги Дэйна располагались на грузовой палубе и являли собой весьма разношерстную компанию. Во-первых, здесь обитал сам Ван Райк, начальник, столь компетентный в делах своей секции, что временами казался Дэйну не человеком, а вычислительной машиной. Дэйн пребывал в состоянии постоянного благоговения перед ним, ибо, по-видимому, не было на свете таких тонкостей вольной торговли, которых бы Ван Райк не изучил в совершенстве, а любое новое сведение, достигавшее его ушей, навсегда оставалось в непостижимой кладовой его памяти. Было у него и слабое место – горделивая уверенность в том, что он, Ван Райк, ведёт свой род из глубин веков, из тех времён, когда корабли бороздили только воды и только одной планеты, и что он принадлежит к фамилии, все представители которой занимались торговлей от дней паруса до дней звездолётов.

В штате секции состояли ещё два человека, имевшие к грузам лишь косвенное отношение: врач Крэйг Тау и кок-стюард Фрэнк Мура. С врачом Дэйн иногда встречался во время работы, а Мура был так занят у себя на камбузе, что экипаж редко его видел.

У нового помощника суперкарго работы оказалось выше головы. Скорчившись на крошечном пятачке, отведённом ему в служебной каюте грузового отсека, он трудился по многу часов в день, изучая документацию. Время от времени Ван Райк учинял ему неофициальные, но безжалостные экзамены, и каждый раз Дэйн с ужасом обнаруживал в своих познаниях зияющие провалы. Через несколько дней он уже только робко удивлялся, почему это капитан Джелико вообще пустил его на борт, согласившись с решением Психолога. Было ясно, что сейчас от него, Дэйна, при его потрясающем невежестве пользы гораздо меньше, чем хлопот.

Впрочем, Ван Райк был не только машиной, перерабатывающей сведения и цифры. Он был ещё знатоком легенд и великолепным рассказчиком, и, когда он принимался излагать в кают-компании очередную историю, все слушали его как зачарованные. Например, только от него можно было во всех подробностях услышать жуткую легенду о “Новой Надежде”. Этот корабль, набитый беженцами, стартовал с Марса во время восстания и был замечен в космосе только столетие спустя. “Новая Надежда” вечно падает в пустоту, её мёртвые носовые огни злоежи и багровы, наглухо задраены аварийные люки... Никто не пытался отвести её в порт, потому что видели её только те корабли, которые сами терпели бедствие, и выражение “увидеть “Новую Надежду”” стало синонимом несчастья.

Ещё были “шепчущие”, о них существовало множество легенд. Их призывные голоса слышат космонавты, которые слишком долго скитаются в пространстве... Знал Ван Райк и всех героев звёздных троп. Так, он рассказывал о Сэнфорде Джонсе, первом человеке, решившемся на межзвёздный перелёт. Его исчезнувший корабль внезапно вынырнул из гиперпространства неподалёку от Сириуса через триста лет после старта с Земли. Пилот, высохший в мумию, ещё сидел перед покрытой изморозью панелью управления. И теперь Сэнфорд Джонс принимает на борт своей призрачной “Кометы” всех космонавтов, погибших на посту... Да, немало нового из истории космических полётов узнал Дэйн от своего начальника!

Полет к Наксосу был самым обычным. Да и сама эта окраинная планета была слишком похожа на Землю, чтобы возбудить любопытство. Впрочем, увольнительной Дэйн все равно не получил. Ван Райк поставил его старшим на разгрузку, и вот тут-то оказалось, что Дэйн не зря столько времени корпел над грузовой документацией: найти любой груз в трюме ему теперь ничего не стоило.

Ван Райк с капитаном уехали в город. От их нюха, от их умения заключать сделки зависел очередной рейс “Королевы”. Корабли вольных торговцев не мешкают в портах дольше, нежели необходимо для того, чтобы разгрузиться и найти новый груз.

На следующий день после обеда Дэйн оказался без дела. Чтобы хоть как-то скоротать время до старта, он в компании Кости слонялся у входного люка. За взлётным полем раскинулся провинциальный городок, окружённый с трех сторон рядами деревьев с густой красно-жёлтой листвой. В городок никто не пошёл – погрузку могли объявить в любую минуту, а портовые грузчики сегодня не работали, отмечали какой-то местный праздник. Поэтому Дэйн и Кости одновременно увидели наёмный кар, который на полной скорости мчался через ракетодром прямо к “Королеве”.

Подлетев к кораблю, машина затормозила, подняла тучу пыли, пошла юзом и остановилась в метре от трапа. Ван Райк ещё не успел выбраться из-за руля, а капитан Джелико уже взбежал по трапу и оказался перед люком.

– Всем собраться в кают-компанию! – бросил он Кости.

Дэйн быстро оглядел поле, готовый увидеть по крайней мере целый полицейский отряд: так возвращаются, когда необходимо срочно удирать. Однако на поле ничего примечательного по-прежнему не было, а его шеф поднимался по трапу со своим обычным достоинством. При этом он насвистывал какой-то мотивчик – верный признак того, как уже было известно Дэйну, что, с точки зрения Ван Райка, всё обстоит прекрасно. Какие бы новости ни собирался сообщить капитан, суперкарго явно считал эти новости добрыми.

Несколько минут спустя Дэйн втиснулся в кают-компанию и, как самый младший и новичок, скромно пристроился у дверей. Собрались все, от врача Тау до обычно отсутствующего Муры. Все внимательно смотрели на капитана, который сидел во главе стола, нетерпеливо поглаживая кончиками пальцев шрам на щеке.

– Ну, капитан, какое сокровище плывёт нам в руки на этот раз?

Это Стин Вилкокс задал вопрос, вертевшийся у всех на языке.

– Аукцион! – выпалил Джелико, словно не в силах более сдерживать себя.

Кто-то присвистнул, кто-то шумно перевёл дух. Дэйн заморгал. Он был ещё слишком зелен, чтобы понять сразу, о чём идёт речь. Но когда смысл происходящего дошёл и до него, его охватило горячее возбуждение. Аукцион Службы изысканий!.. Вольному торговцу такой случай выпадает, быть может, только раз в жизни, на таких-то аукционах и сколачиваются состояния.

– Кто будет участвовать? – спросил механик Штоц. Сузив глаза, он в упор глядел на Джелико с видом прокурора.

Капитан пожал плечами.

– Те же, кто всегда. Но в распродажу идут четыре планеты класса “дельта”...

Дэйн быстро прикинул в уме. Большие компании автоматически закупают классы “альфа” и “бета”. За класс “гамма” будет драка... А вот четыре штуки класса “дельта”... четыре новооткрытые планеты... Обычно федеральные цены на такие планеты вольному торговцу по карману. Полная монополия на право торговли в течение пяти или десяти лет – мы сможем стать богачами, если нам повезёт... Вот только сумеет ли “Королева” наскрести нужную сумму?

– Сколько у нас в сейфе? – спросил Тау, обращаясь к Ван Райку.

– Когда мы получим чек за последний груз, – ответил тот, – и оплатим стоянку, у нас будет... Да, а как у нас с провиантом, Фрэнк?

Некоторое время маленький стюард что-то подсчитывал, шевеля губами. Потом он сказал:

– Мне нужна тысяча... тогда будет прочный запас... если рейс не на самую окраину...

– Ну, Ван, – сказал Джелико, – откиньте эту тысячу. Сколько мы тогда потянем?

Суперкарго не нуждался в гроссбухе, чтобы ответить на этот вопрос. Все цифры, в том числе и эти, он хранил в своей удивительной памяти.

– Двадцать пять тысяч, – сказал он. – Может, наскребу ещё сотен шесть...

Наступило молчание. Да, соваться на аукцион с такой суммой не имело смысла. Тишину нарушил Вилкоккс.

– А чего ради они проводят аукцион здесь? Ведь Наксос – не административный центр.

Действительно странно, подумал Дэйн. Никогда раньше он не слышал, чтобы устраивали аукцион на планете, которая не является столицей хотя бы сектора.

– История простая, – объяснил капитан Джелико. – Пропал изыскатель “Римболд”. Все корабли Службы изысканий получили приказ немедленно свернуть дела и выйти на поиски. “Гризволд” шёл куда-то проводить аукцион и, получив приказ, направился сюда. Просто Наксос оказался к нему ближе всего... Так что в смысле законности тут все в порядке.

Короткие толстые пальцы Ван Райка забарабанили по столу.

– Здесь есть агенты больших компаний, – сообщил он. – А вот вольных торговцев всего два, кроме нас. Если до шестнадцати часов не прибудет ещё кто-нибудь, на нас троих придётся четыре планеты. Компаниям класс “дельта” не нужен – их агенты имеют чёткий приказ не торговаться за него.

– Послушайте, сэр, – сказал Рип. – Эти двадцать пять тысяч... Сюда входит наше жалованье?

Ван Райк отрицательно покачал головой, и тут до Дэйна дошло, что имеет в виду Рип. На мгновение он испугался. Поставить на кон жалованье за целый рейс – да разве так можно? С другой стороны, у него, конечно, не хватит смелости голосовать против...

– Сколько же получится вместе с жалованьем? – тихо и без выражения спросил Тау.

– Около тридцати восьми тысяч.

– Все равно не густо, – заметил Вилкоккс с сомнением.

– А вдруг повезёт? – возразил Тан Я. – По-моему, надо попробовать. Не получится – останемся при своих...

Провели голосование и единогласно решили, что экипаж “Королевы” присоединяет своё жалованье к основному капиталу, а предполагаемая прибыль будет поделена пропорционально вкладу, который делает каждый. Ван Райк при всеобщем одобрении был назначен покупщиком. Но оставаться в стороне от событий никто не пожелал. Капитан Джелико согласился нанять сторожа для корабля, и весь экипаж в полном составе отправился попытать судьбу.

Сумерки здесь наступали рано. В городе, вдали от взлётно-посадочного поля, пропахшего испарениями горючего, воздух был напоён ароматом цветущих растений, даже слишком сильным для обоняния землянина. Город был типичным поселением окраинного мира и весь светился яркими огнями шумных ресторанчиков. Но экипаж “Королевы” двинулся прямо к рыночной площади, где должен был происходить аукцион.

Там, на шаткой платформе из пустых ящиков, уже стояли несколько человек – двое в сине-зелёной форме Службы изысканий, один местный горожанин в куртке из грубой кожи и один в чёрном с серебром мундире Космической полиции. Наксос был всего-навсего малонаселённым окраинным городком, но формальности соблюдались здесь строжайшим образом.

Перед платформой гудела толпа. Далеко не все были в жёлтой форме Торгового флота, был кое-кто и из горожан, пришедших поглазеть на редкое зрелище. Переносные фонари давали мало света, и Дэйну пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть опознавательные значки соперников. Да, здесь был агент “Интерсолар”, а немного левее поблёскивало тройное кольцо эмблемы “Комбайн”.

В первую очередь в распродажу шли планеты класса “альфа” и “бета”. Эти миры тоже были только недавно открыты Службой изысканий, но уровень цивилизации на них был высок, и они, возможно, сами уже занялись торговыми операциями в своих планетных системах. Боль-

шие компании стремились иметь дело именно с такими планетами. Планеты класса “гамма” – с более отсталыми цивилизациями – представляли для космической торговли больше риска, и компании дрались за них с меньшим азартом. Что же касается класса “дельта” – миров с самым примитивным уровнем разумной жизни или вообще лишённых разумной жизни, то компании не интересовались им вовсе, и это оставляло известные возможности для “Королевы”.

– Коуфорт здесь... – услышал Дэйн слова Вилкокса, обращённые к капитану, и уловил досадное восклицание в ответ.

Дэйн вгляделся в шумную толпу. Кто-то из этих людей без всяких значков и нашивок был легендарным Коуфортом, князем вольных торговцев, которому баснословно везло во всём – настолько, что имя его стало притчей во языцех на звёздных трассах.

Один из офицеров Службы изысканий подошёл к краю платформы, и толпа затихла. Все взгляды были устремлены на плоский ящик, где лежали опечатанные пакеты; в каждом пакете – микрофильм с координатами и описанием новооткрытой планеты.

Пошёл класс “альфа”. Таких планет было всего три, и агент “Комбайн” вырвал у “Интерсолар” две из них. Однако “Интерсолар” взял реванш на классе “бета” – их было две, и обе достались ему. “Денеб-Галактик”, специализирующаяся на отсталых мирах, завладела четырьмя планетами класса “гамма”. И тогда объявили класс “дельта”...

Экипаж “Королевы” протиснулся в первые ряды и теперь стоял под самой платформой рядом с экипажами других вольных торговцев.

Рип ткнул Дэйна пальцем под ребро и одними губами прошептал: “Коуфорт!”

Знаменитый вольный торговец оказался на удивление молодым. Он был больше похож на молодцеватого офицера Космической полиции, чем на торговца; Дэйн отметил, что он носит при себе бластер, и бластер этот так ловко прилажен к его бедру, словно Коуфорт никогда с ним не расстанется. В остальном же, хоть молва и приписывала ему несметные богатства, он ничем внешне не отличался от прочих вольных торговцев. Он не щеголял ни браслетами, ни кольцами, ни серьгой в ухе, как это делают иные преуспевающие любители внешнего эффекта, а куртка его была такой же затрапезной и поношенной, как у капитана Джелико.

– Четыре планеты класса “дельта”... – голос офицера вернул Дэйна к происходящему. – Номер первый. Минимальная цена Федерации – двадцать тысяч...

Экипаж “Королевы” дружно вздохнул. Тут и пытаться не стоило. При такой высокой минимальной цене они вылетели бы из игры, едва успев начать. К удивлению Дэйна, Коуфорт тоже не стал повышать, и номер первый достался какому-то торговцу за пятьдесят тысяч.

Однако, когда объявили номер второй, Коуфорт точно проснулся и стремительно оторвался от конкурентов, повысив цену почти сразу до ста тысяч. Считалось, что содержимое пакетов заранее узнать невозможно, но тут многим пришлось в голову: не получил ли Коуфорт какого-либо доброго совета?..

– Номер третий, класс “дельта”, минимальная цена Федерации – пятнадцать тысяч...

Вот это уже похоже на дело! Дэйн был уверен, что Ван Райк станет повышать. И Ван Райк действительно повышал до тех пор, пока Коуфорт не перекрыл его одним прыжком, подняв цену с тридцати до пятидесяти тысяч. Теперь оставался один-единственный шанс. Экипаж “Королевы” сбился в плотную кучку за спиной Ван Райка, словно подпирая его в последней схватке не на жизнь, а на смерть.

– Номер четвёртый, класс “дельта”, минимальная цена Федерации – четырнадцать тысяч...

– Шестнадцать! – взревел Ван Райк, заглушив последние слова офицера.

– Двадцать... – это был не Коуфорт, а какой-то незнакомый темнолицый человек.

– Двадцать пять... – Ван Райк наступал.

– Тридцать... – быстро отозвался темнолицый.

– Тридцать пять! – провозгласил Ван Райк с такой уверенностью, будто в его распоряжении были капиталы Коуфорта.

Темнолицый уже не торопился с ответом.

– Тридцать шесть... – осторожно сказал он.

– Тридцать восемь!

Это было последнее, что мог предложить Ван Райк, но ответа не последовало. Мельком Дэйн заметил, как Коуфорт передаёт чек и получает свои два пакета. Офицер повернулся к темнолицему, но тот помотал головой. Наша взяла!

Несколько секунд экипаж “Королевы” ещё не верил в свою удачу. Потом Камил испустил радостный вопль, а степенный Вилкокс принялся в восторге лупить по спине капитана Джелико. Ван Райк выступил вперёд и принял покупку. Они пробрались сквозь толпу, втиснулись в кар1 и у всех на уме было одно – скорее добраться до “Королевы” и узнать, что же они купили.

3. Кот в мешке

И вот они снова в кают-компании, в единственном помещении корабля, где экипаж мог собраться вместе. Тан Я установил на столе проектор, а капитан Джелико вскрыл пакет и извлёк из него крошечный ролик микроплёнки. Ролик вставили в проектор, изображение отфокусировали прямо на стене, потому что экрана не было, а экипаж ждал, и, казалось, все перестали дышать.

– Планета Лимбо, – загудел в кают-компании ровный голос какого-то усталого чиновника Службы изысканий, – единственная годная для обитания из трех планет системы жёлтой звезды...

На стене появилось плоское изображение – схема планетной системы с солнцем в центре. Солнце было жёлтое – возможно, на планете такой же климат, как на Земле! Дэйн обрадовался. Может быть, повезло – по-настоящему повезло. Рип, сидевший рядом, заёрзал.

– Лимбо... – пробормотал он. – Ох, ребята, несчастливое это название, чувствует моё сердце...

Дэйн не понял его. Слово “лимбо”¹ ничего ему не говорило. Многие планеты на торговых путях носили диковинные имена – любые, какие взбрели на ум работникам Службы изысканий.

– Координаты... – голос принялся сыпать цифрами, которые Вилкокс поспешно записывал. Прокладывать курс к Лимбо предстоит ему.

– Климат сходен с климатом средних широт Земли. Атмосфера... – снова ряд цифр, которые на сей раз касались Тау. Дэйн уловил только, что атмосфера пригодна для дыхания.

Изображение на экране сменилось. Теперь они как бы повисли над Лимбо и разглядели планету через иллюминаторы корабля. И при виде этого зрелища кто-то вскрикнул от возмущения и ужаса.

Ни с чем нельзя было спутать эти серо-коричневые язвы, изуродовавшие материки планеты. Это была проказа войны – войны столь разрушительной и страшной, что никто из землян не смог бы представить её себе в подробностях.

– Планета-пепелище! – прошептал Тау, а капитан в ярости закричал:

– Это подлое жульничество!

– Постойте! – гаркнул Ван Райк, заглушив их обоих. Его огромная лапа протянулась к верньерам проектора. – Надо посмотреть поближе. Вот здесь, чуть к северу...

Шар на экране стремительно надвинулся, края его исчезли, как будто корабль пошёл на посадку. Было очевидно, что давняя война обратила материки в пустыню, почва была выжжена и переплавлена в шлак, возможно, до сих пор ядовитый и радиоактивный. Но суперкарга не ошибся: на севере, среди чудовищных рубцов тянулась зелёная, со странным оттенком полоса. Это могла быть только растительность. Ван Райк с облегчением перевёл дух.

– Кое-что ещё сохранилось, – объявил он.

– Да, кое-что, – с горечью отозвался капитан Джелико. – Ровно столько, сколько нужно, чтобы мы не могли обвинить их в жульничестве и потребовать наши деньги назад.

– Может, там что-нибудь осталось от Предтеч? – робко, словно боясь, что его засмеют, предположил Рип.

Капитан пожал плечами.

– Мы не археологи, – сказал он резко. – Чтобы заключить с археологами контракт, нужно куда-то лететь, на Наксосу их нет. А лететь мы никуда не можем, потому что у нас нет денег, чтобы внести залог за новый груз...

Он очень точно сформулировал всю безнадежность их положения. Они получили право на торговлю с планетой, где не с кем было торговать. Они заплатили за это право деньгами,

¹ Лимбо (англ.) – преддверие ада. – Прим. перев.

которые были необходимы для закупки груза. Теперь им некуда было податься с Наксоса. Они поставили все на кон, как и полагается вольным торговцам. Они рискнули – и проиграли.

Только суперкарго сохранял хладнокровие. Он всё ещё тщательно изучал изображение Лимбо.

– Не будем вешать нос, – спокойно предложил он. – Служба изысканий не продаёт планет, которые непригодны для эксплуатации...

– Большим компаниям, конечно, не продаёт, – заметил Вилкоккс. – Но кто будет слушать жалобы вольного торговца... если это не Коуфорт?

– И всё-таки я повторяю, – продолжал Ван Райк тем же ровным голосом, – нам надо познакомиться с ней поближе...

– Вот как? – в глазах капитана тлели огоньки затаённой злости. – Вы хотите, чтобы мы отправились туда и сели там на мель? Планета сожжена дотла... нам остаётся наплевать на неё и забыть. Вы отлично знаете, что на планетах, где дрались Предтечи, никогда не бывает жизни...

– Да, согласился Ван Райк. – Большинство таких планет – просто голый камень. Но Лимбо как будто получила неполную порцию. В конце концов, что мы знаем о Предтечах? Почти ничего! Они исчезли за сотни, а может, и за тысячи лет до того, как мы выбились в космос. Это была великая раса, они владели многими планетными системами и погибли в войне, оставив после себя мёртвые планеты и мёртвые солнца. Все это я знаю. Но, возможно, Лимбо попала под удар уже в самом конце войны, когда их мощь была на исходе. Мне приходилось видеть другие сожжённые планеты – Гадес и Ад, Содом и Сатану – это просто груды пепла. А на Лимбо вот сохранилась растительность. И раз ей попало меньше, чем прочим, есть надежда что-нибудь там найти.

“Убедил, – подумал Дэйн, увидев, как изменилось выражение лиц у собравшихся вокруг стола. – Быть может, это потому, что все мы не хотим верить в свою неудачу, хотим надеяться, что ещё сумеем отыгаться”.

Один лишь капитан Джелико упорно стоял на своём.

– Нам больше нельзя рисковать, – сказал он. – Мы можем заправить корабль горючим только на один рейс – на один-единственный рейс. Если это будет рейс к Лимбо, а товара там не окажется... – Он хлопнул ладонью по столу. – Сами понимаете, что это значит для нас. Конец тогда нашим полётам.

Стин Вилкоккс хрипло откашлялся, и все посмотрели на него.

– Может быть, удастся как-то уладить дело со Службой изысканий?

Камил с горечью рассмеялся.

– Где это видано, чтобы Федерация возвращала деньги, на которые уже наложила лапу?

Никто не ответил. Потом капитан Джелико поднялся из-за стола – тяжело, словно его крепкое тело утратило упругость.

– Завтра утром мы с ними поговорим, – сказал он. – Пойдёте со мной, Ван?

Суперкарго пожал плечами.

– Ладно. Только я не думаю, что из этого что-нибудь выйдет.

– Черт бы их побрал, – выругался Камил. – Теперь все пропало...

Дэйн снова стоял у входного люка. Снаружи была ночь, слишком, пожалуй, светлая, потому что у Наксоса было две луны. Он знал, что Камил обращается не к нему И, действительно, через секунду отозвался Рип.

– Я, приятель, никогда не считаю, что дело – дрянь, пока не вляпаюсь по самые уши. Ты же видал снимки Ада и Содома. Груды пепла, как говорит Ван. Теперь возьми эту Лимбо: там всё-таки есть зелень... А вдруг мы наткнулись бы там на какое-нибудь барахло Предтеч, представляешь?

– Гм... – Али задумался. – И такая находка принадлежала бы нам?

– Это должен знать Ван, это по его части. Погоди-ка... – Тут Рип заметил Дэйна. – Вот у Торсона спросим. Слушай, Дэйн, если бы мы нашли какое-нибудь оборудование Предтеч, могли бы мы претендовать на него по закону?

Дэйн был вынужден признаться, что не знает. Впрочем, ответ на этот вопрос можно будет поискать в фильмотеке суперкарго, где собраны все законы и правила.

– Только я не думаю, чтобы такой вопрос когда-нибудь поднимался. Ведь от Предтеч никогда ничего не оставалось, кроме пустых развалин... Планеты, где должны были стоять их крупные сооружения, сожжены начисто...

Камил прислонился к краю люка и уставился на мигающие огоньки города.

– Интересно, на что они были похожи? – проговорил он. – Все гуманоиды, с которыми мы до сих пор сталкивались, были потомками земных колонистов. А негуманоиды так же мало знают о Предтечах, как и мы. Если потомки Предтеч и существуют, мы пока их не встретили. И потом... – Он помолчал. – Возможно, это и к лучшему, что мы ничего не нашли из их оборудования. Ведь всего десять лет, как кончилась война в кратерах...

Наступила тягостная пауза. Дэйн понял, что имел в виду Камил. Земляне сражались, сражались яростно, беспощадно. Марсианская война в кратерах была лишь последней вспышкой бесконечной борьбы, которую Земля вела со своими колониями в космосе. Федерация с трудом удерживала состояние мира, работники Торгового флота из сил выбивались, чтобы сохранить это состояние навечно и не дать разразиться новому, ещё более убийственному конфликту, который грозил истребить Космофлот и, возможно, вообще положить конец нынешней непрочной цивилизации.

И если бы в этой последней схватке было пущено в ход оружие Предтеч – или даже только сведения о таком оружии попали бы в злые руки, – может быть, и Солнце превратилось бы тогда в мёртвую звезду, вокруг которой кружились бы выжженные до шлака миры...

– Да, если бы мы нашли их оружие, была бы беда, – сказал Рип, словно отвечая на его мысли. – Но ведь у Предтеч было не только оружие. И, быть может, именно на Лимбо...

Камил выпрямился.

– ...именно на Лимбо они оставили тебе целый склад, набитый торкскими алмазами и ламгримскими щёлками... или чем-либо в этом роде. Не думаю я, чтобы капитан горел желанием слетать и поискать его. Нас двенадцать человек, и у нас один звездолёт. Как ты полагаешь, сколько времени нам понадобится, чтобы прочесать всю планету? А ты не забыл, что наши флиттеры тоже жрут горючее? Может, тебе улыбается застрять на какой-нибудь планетке вроде этого Наксоса и заделаться фермером, чтобы добывать себе хлеб насущный? Вряд ли тебе это по нраву!

Дэйн внутренне согласился, что ему это уж во всяком случае не по нраву. Ведь если “Королева” действительно надолго застрянет в порту, ему даже не выплатят жалованья, на которое он смог бы продержаться, пока не устроится на другой корабль. И весь экипаж в таком положении.

Потом Дэйн лежал без сна на своей узкой койке и размышлял о том, как быстро рухнули все надежды. Эх, если бы только Лимбо не была планетой-пепелищем... или хотя бы средств у них хватило слетать туда и посмотреть... Дэйн вдруг вскинулся. Ведь остаётся ещё тот торговец, который повышал против Ван Райка на аукционе! Может, удастся уговорить его взять Лимбо с хорошей скидкой?

Только вряд ли... Вряд ли он захочет взять планету-пепелище даже за полцены. Слишком уж велик риск. Кому захочется затевать дело при таких шансах? Разве что у человека есть резервный капитал, как у Коуфорта, например... Но Коуфорт этой планетой не интересовался.

Утром угрюмый экипаж потянулся по одному в кают-компанию. Никто не смотрел в конец стола, где мрачный капитан Джелико прихлёбывал из чашки особый напиток, который

Мура обычно готовил лишь в торжественных случаях. Сейчас никакого торжественного случая не было, но стюард, по-видимому, решил, что команду следует подбодрить.

Появился готовый к визиту в город Ван Райк – облегающий мундир, застёгнутый до подбородка, на голове офицерская фуражка с кокардой. Джелико крикнул и поднялся, оттолкнув свою чашку. При этом он глядел столь сурово, что никто из присутствующих не рискнул пожелать ему успеха.

Дэйн спустился в пустой трюм и произвёл кое-какие измерения. Он решил подготовиться на тот случай, если им повезёт и “Королеву” зафрахтуют. Трюм состоял из двух отделений – огромного помещения, занимавшего треть корабля, и маленькой кладовой, расположенной палубой выше и предназначенной для хранения особо ценных и нестандартных грузов.

Кроме того, была ещё крошечная каморка, где на стеллажах и в ящиках хранились “товары для контакта”: небольшие безделушки, заводные куклы, украшения из стекла, проволоки и никелированного металла – все для привлечения дикарей и наивных туземцев. Тренируясь в знании товарного каталога, Дэйн полез по стеллажам. Ван Райк уже дважды водил его сюда, но Дэйн все ещё не утратил первоначального чувства изумления перед разнообразием и качеством этих товаров, знаниями и воображением суперкарго, собравшего всю эту коллекцию. Здесь были подарки для вождей и царьков, были и диковинки, поглазеть на который наверняка сбежится от мала до велика все население любой туземной деревушки. Конечно, запасы такого товара были строго ограничены, но вещицы были подобраны с такой тщательностью, с таким глубоким пониманием психологии – как человеческой, так и негуманоидной, что покупатели у “Королевы” были обеспечены на любой отсталой планете.

Впрочем, на Лимбо всё это было бы ни к чему. На таком пепелище не могла уцелеть никакая разумная жизнь. Если бы там хоть кто-нибудь уцелел, изыскатели сообщили бы об этом, цена планеты возросла бы... а возможно, её и вовсе сняли бы с торгов до тех пор, пока правительственные служащие не изучат её основательнее.

Стараясь отогнать неприятные мысли, Дэйн заставил себя углубиться в осмотр “товаров для контакта”. Из терпеливых разъяснений Ван Райка, подкреплённых практическими примерами, Дэйн уже знал, в каких случаях предлагаются те или иные товары. Насколько он понял, зачастую в ход шли и вещицы, изготовленные членами экипажа.

Жизнь на корабле во время длительных перелётов однообразна – управление переключается на автоматику и обязанности команды сведены к минимуму. Скука и безделье вызывают космические мании, и труженики галактических трасс быстро поняли, что спастись можно, лишь заняв каким-нибудь делом голову и руки. Спасение было в хобби, в любом хобби.

Капитан Джелико, например, увлекался ксенобиологией, причём это его увлечение было далеко не любительским. Он не имел возможности держать свои коллекции на борту (исключение делалось только для любимцев вроде голубого Хубата, обитавшего в клетке в капитанской каюте), но стереофото, которые он делал, наблюдая жизнь на иных мирах, принесли ему определённую известность среди натуралистов-профессионалов. Стин Вилкокс, чьи дни проходили в возне с однообразными математическими вычислениями, пытался переводить свои формулы на язык музыки. Но самое странное хобби было у врача Тау. Тау коллекционировал магические приёмы лекарей и знахарей отсталых племён и пытался найти рациональное зерно, лежащее в основе инопланетных мумбо-юмбо.

Дэйн взял в руки одно из творений Муры – стеклопластовый шар, в котором плавало какое-то странное насекомое с радужными крыльями, совсем живое на вид. Внезапно скользящая по обшивке тень заставила его вздрогнуть. Это был Синбад, корабельный кот. Он мягко вскочил на ящик и уселся там, разглядывая помощника суперкарго.

Из всех земных животных чаще всего сопровождали человека в космосе кошки. Они переносили ускорения, невесомость и прочие неудобства перелётов с такой лёгкостью, что это вызвало появление довольно странных легенд. Согласно одной из них, *Domestica felinus* не

является аборигеном Земли, кошачье племя – это все, что осталось от давно забытого вторжения на Землю из космоса, и теперь на звездолётах оно возвращается в свой золотой век.

Впрочем, Синбад и его собратья на других кораблях не даром ели свой хлеб. Зачастую вместе с грузом на борт проникали грызуны, причём не только земные мыши и крысы, но и странные твари с чужих планет. Неделями и даже месяцами они не давали о себе знать, а потом вдруг принимались хозяйничать в каком-нибудь укромном уголке трюма. Вот тут-то за них и принимался Синбад. Где и как он их ловил – оставалось неизвестным, но тела убитых он регулярно представлял на рассмотрение Ван Райку, и надо сказать, тела эти зачастую выглядели весьма жутко.

Дэйн протянул руку. Синбад лениво обнюхал его пальцы и мигнул. Он уже признал этого нового человека. Всё было правильно, Дэйн находился здесь по праву. Синбад потянулся, легко соскочил с ящика и отправился вокруг комнаты с очередным обходом. У одного из тюков он остановился и принялся обнюхивать его столь проникновенно, что у Дэйна возникла мысль: а не вскрыть ли этот тюк и не дать ли коту проинспектировать его поосновательнее. Но тут далёкий удар гонга заставил обоих насторожиться, и Синбад, никогда не пропускавший мимо ушей призыва к трапезе, торопливо выскользнул из комнаты, представив Дэйну следовать за собой более степенным шагом.

Ни капитан, ни суперкарго ещё не возвращались, и атмосфера в кают-компании оставалась напряжённой. Все вздрогнули, когда над дверью мигнула сигнальная лампа, связанная с входным люком. Кто-то чужой ступил на трап. Если в порту, кроме вас, стоят ещё два вольных торговца, всякий фрахт надлежит считать даром небес.

Поэтому Стин Вилкокс мгновенно вылетел в коридор, а Дэйн отстал от него всего на секунду. В отсутствие Джелико и Ван Райка Вилкокс замещал капитана “Королевы”, а Дэйн исполнял обязанности суперкарго.

В метре от трапа стоял кар. Водитель оставался за рулём, а какой-то высокий, тощий, загорелый до черноты человек уверенно поднимался по трапу к входному люку.

На нём была потёртая куртка грубой кожи, фрабкордовые брюки и высокие сапоги – обычное обмундирование пионера на новооткрытой планете. Однако вместо широкополой шляпы, какую носят пионеры, на голове у него был метапластовый шлем со съёмным козырьком и с наушниками коротковолнового радиотелефона. Такие шлемы носят работники Службы изысканий.

– Капитан Джелико? – Голос у незнакомца был жёсткий, начальственный – голос человека, привыкшего отдавать приказы, которым повинуются без рассуждений.

Штурман покачал головой.

– Капитан в городе, сэр.

Незнакомец остановился и принялся барабанить пальцами по своему широкому, с карманами поясу. Ясно было, что отсутствие капитана на борту “Королевы” рассердило его.

– Когда он будет?

– Не знаю, – холодно сказал Вилкокс. Видимо, незнакомец ему не понравился.

– Свободны для фрахта? – внезапно спросил тот.

– Вам лучше поговорить с капитаном, – уже совсем холодно отозвался Вилкокс.

Пальцы принялись отбивать дробь на поясе ещё быстрее.

– Прекрасно. Я поговорю с вашим капитаном. Где он? Это вы мне можете сказать?

К “Королеве” приближался ещё один кар. Это возвращался Ван Райк. Вилкокс тоже его увидел.

– Вы узнаете это через минуту. Вот наш суперкарго...

– Так... – Незнакомец быстро повернулся. Движения его были лёгкие и отточенные.

Дэйн следил за ним с нарастающим интересом. Этот человек представлял для него загадку. У него была одежда пионера и движения тренированного бойца. В памяти Дэйна

всплыла картина: Школа, спортивная площадка, жаркий летний полдень... подсекающий взмах руки, характерный наклон плеча... Да ведь этот тип – форсблейдер! И притом – опытный форсблейдер! Но как же так... это же нарушение закона, частным лицам не разрешается обучаться форсблейду...

Ван Райк обогнул кар незнакомца, вылез из-за руля и обычным своим тяжёлым шагом стал подниматься по трапу.

– Кого-нибудь ищите? – осведомился он у незнакомца.

– Ваш корабль свободен для фрахта? – снова спросил тот.

Лохматые брови Ван Райка дрогнули.

– Для хорошего фрахта свободен любой торговец, – спокойно ответил и, словно не замечая нетерпения незнакомца, повернулся к Дэйну. – Торсон, – сказал он. – Поезжайте в “Зелёную птичку” и попросите капитана Джелико вернуться на корабль.

Дэйн сбежал по трапу и уселся в кар, на котором приехал Ван Райк. Включив сцепление, он оглянулся. Незнакомец вслед за Ван Райком вступил на борт “Королевы”.

“Зелёная птичка” оказалась не то кафе, не то рестораном. Капитан Джелико сидел за столиком у дверей и беседовал с тем самым темнолицым, который торговался с нами за Лимбо на аукционе. Разговор, видимо, шёл к концу. Когда Дэйн вошёл в сумрачный зал, темнолицый решительно покачал головой и встал. Капитан не сделал попытки удержать его. Он только медленно передвинул вправо свою пивную кружку, осторожно и задумчиво, словно ото было бог весть какое ответственное дело.

– Сэр... – Чтобы привлечь внимание капитана, Дэйн осмелился положить руку на стол.

Капитан Джелико поднял на него угрюмые холодные глаза.

– Да?

– На “Королеву” явился какой-то человек, сэр. Он справляется о фрахте. Мистер Ван Райк послал меня за вами...

– Фрахт!

Пивная кружка опрокинулась и со стуком упала на пол. Капитан Джелико швырнул на стол местную монетку и бросился к выходу. Дэйн устремился следом.

Усевшись за руль, Джелико с места взял сумасшедшую скорость. Но в конце улицы он сбросил газ, и, когда кар подкатил к “Королеве”, никакой посторонний наблюдатель не смог бы догадаться, что водитель спешит.

Через два часа экипаж снова собрался в кают-компании послушать новости. Капитан говорил, а незнакомец сидел рядом с ним во главе стола.

– Это доктор Салзар Рич, археолог, один из федеральных специалистов по Предтечам. Оказывается, ребята, Лимбо сгорела не дотла. Доктор сообщил мне, что в северном полушарии изыскатели обнаружили какие-то довольно обширные развалины. Он фрахтует “Королеву”, чтобы переправить туда свою экспедицию...

– И это никоим образом не ущемляет наших прав, – сказал Ван Райк, добродушно улыбаясь. – Так что у нас тоже будет возможность поработать.

– Когда старт? – осведомился Иоганн Штоц.

Джелико повернулся к археологу.

– Когда вы будете готовы, доктор Рич?

– Как только вы разместите моё оборудование и моих людей, капитан. Доставить сюда снаряжение я могу немедленно.

Ван Райк поднялся.

– Торсон, – позвал он. – Пойдёмте готовиться к погрузке.... Можете взять своё снаряжение, доктор?

4. Высадка на Лимбо

За последующие несколько часов Дэйн узнал об укладке грузов больше, чем за всё время обучения в Школе. Кроме того, выяснилось, что на корабле надо ещё найти место не только для Рича, но и для трех его помощников.

Снаряжение пошло в большой грузовой трюм. Всю эту работу взяли на себя сотрудники Рича: доктор объявил, что в его грузе находятся тонкие и хрупкие инструменты и он ни в коем случае не позволит швырять их как попало наёмным портовым грузчикам.

Однако, когда дело дошло до размещения груза в трюме, Ван Райк без обиняков дал доктору понять, что этим будет заниматься команда и что команда способна управиться без посторонней помощи. Так что Дэйн вместе с Кости потели, чертыхались и таскали, а Ван Райк руководил ими и сам не упускал случая подставить плечо, пока весь груз не был размещён в строгом соответствии с механикой распределения веса при взлёте. Затем люк был задраен до прибытия на Лимбо.

Выбравшись из трюма, они обнаружили в малом грузовом отсеке Муру, который прилагивал там подвесные койки для помощников Рича. Удобств никаких не было, но археолога ещё до подписания контракта уведомили, что на “Королеве” нет специальных кают для пассажиров. Впрочем, никто из вновь прибывших не жаловался.

Эти люди, как и их руководитель, являли собой тип людей, совершенно новый для Дэйна. Все они на вид были крепкие и выносливые, какими и надлежало быть, по представлениям Дэйна, людям, которые занимаются поисками следов исчезнувших цивилизаций на иных мирах. Один из них даже не был, собственно, человеком – зелёная кожа и голый череп выдавали в нём ригелианина. У него было странное, не по-человечески гибкое тело, но одет он был совершенно так же, как и прочие. Дэйн всячески старался не слишком на него таращиться, но удержаться было трудно.

Кто-то тронул его за руку. Он обернулся и увидел Муру.

– Доктор Рич поместился в вашей каюте, – сказал стюард. – Вам придётся перебраться в кладовую... Пойдёмте!

Слегка уязвлённый тем, что его так бесцеремонно выселили, Дэйн последовал за Мурой в своё новое обиталище, которое располагалось во владениях кока-стюарда. Эти владения состояли из камбуза, холодильных камер, а также гидропонической оранжереи, предмета забот не только Муры, но и врача Тау, отвечающего за внутреннюю атмосферу корабля.

– Доктор Рич пожелал быть рядом со своими людьми, – объяснял на ходу Мура. – Он специально это оговорил...

Дэйн покосился на маленького стюарда. Ему показалось, что в последней фразе Муры содержится какой-то намёк.

Любопытный человек этот Мура. Он был японец, а Дэйн ещё со школьных времён помнил, какая страшная судьба постигла Японские острова много лет назад. Вулканические извержения, сопровождавшиеся приливной волной огромной силы, за два дня и одну ночь уничтожили целый народ, так что Япония, стёртая с лица земли, просто перестала существовать.

– Сюда, – сказал Мура. Они дошли до конца коридора, и Мура движением руки пригласил Дэйна войти.

Стюард не пытался как-нибудь украсить своё жилище, поэтому его идеально чистая каюта производила несколько унылое впечатление. Впрочем, на откидном столике покоился шар из стеклопласта, и в самом центре его, удерживаемая какой-то волшебной силой, висела земная бабочка. Крылья её, словно инкрустированные драгоценные камни, были распростёрты, и она казалась на удивление живой.

Перехватив взгляд Дэйна, Мура наклонился и легонько постучал ногтем по верхушке шара. И как бы в ответ на это яркие крылышки дрогнули – мёртвая красавица ожила и чуть сдвинулась с места.

Дэйн перевёл дух. Он уже видел один такой шар на складе и знал, что Мура собирает и заключает в шары насекомых сотен миров. Ещё один шар занимал почётное место в каюте Ван Райка. Он изображал сценку из жизни подводного мира: стайка сверкающих точно самоцветы рыб-мух укрывалась в зарослях выющихся водорослей, а к ней подкрадывалось странное существо с двумя ногами и длинным зловещим жалом. А инженер-связист был счастливым обладателем шара с городом эльфов – вереница серебристых башен, между которыми порхают призрачные жемчужные существа.

– Всякому своё, верно? – Мура пожал плечами. – Способ занять время. Как всякий другой.

Он взял шар, завернул его в кусок материи и спрятал в ящичек с перегородками, выстланными ватой. Затем откатил дверь в следующее помещение и показал Дэйну его новое жилище.

Это была вспомогательная кладовая, которую Мура освободил от припасов и оборудовал подвесной койкой и рундучком. Здесь было не так удобно, как в собственной каюте, но и не хуже, чем в тех каморках, где Дэйну приходилось ютиться во время учебных полётов на Марс и на Луну.

Измотанный Дэйн сразу улёгся спать и старта не слышал. Когда он проснулся, корабль находился в космосе. Он спустился в кают-компанию, и там его настиг предупреждающий сигнал. Дэйн вцепился в стол, мучительно глотая слюну, борясь с приступом головокружения, которое всегда поражает людей в момент перехода в гиперпространство. Наверху, в рубке управления, Вилкоккс, капитан и Рип должны были чувствовать то же самое, но они не могли оставить свой пост до тех пор, пока переход не завершится.

Ни за что на свете не стал бы штурманом, в сотый раз подумал Дэйн. Ни за какие коврижки. Конечно, основную работу выполняют бортовые вычислительные машины, но ведь одна ничтожная ошибка в расчётах – и корабль может занести неизвестно куда или даже выбросить из гиперпространства не рядом с планетой-целью, а внутрь её. Дэйн знал теорию гиперперехода, он мог бы проложить курс, но, честно говоря, сомневался, что ему хватило бы мужества ввести корабль в гиперпространство и вывести обратно.

Он всё ещё хмуро глядел в стену, погруженный в не слишком лестные для себя мысли, когда появился Рип.

– Ну, парень... – помощник штурмана с глубоким вздохом повалился на стул. – Вот мы и снова прорвались, и снова не рассыпались на кусочки!

Дэйн изумился. Сам-то он не был штурманом, ему-то позволительно было сомневаться. Но почему у Рипа такой вид, словно у него гора с плеч свалилась? Может, что-нибудь было не в порядке?

– Что произошло? – спросил он.

Рип махнул рукой.

– Да ничего не произошло. Просто на душе всегда легче, когда переход позади. – Он засмеялся. – Эх, парень, ты думаешь, нам там не страшно? Да мы боимся этой штуки побольше, чем ты. Тебе-то хорошо, лети себе, пока не сядем, и никаких забот...

Дэйн немедленно ошетинился.

– То есть как это – никаких забот? А наблюдение за грузом, а продовольствие, а вода?.. Что толку от твоего перехода, если произойдёт отравление воздуха?..

Рип кивнул.

– Верно, верно, вес мы не зря деньги получаем. Но должен тебе сказать... – Он вдруг замолчал и оглянулся через плечо, чем очень удивил Дэйна. – Слушай, Дэйн, тебе когда-нибудь раньше доводилось видеть археологов?

Дэйн помотал головой.

– Откуда? Это же мой первый рейс. А в Школе нам почти ничего не говорили об истории... разве только об истории Торгового флота...

Рип нагнулся через стол к Дэйну и понизил голос почти до шёпота.

– Понимаешь, меня всегда интересовали Предтечи, – сказал он. – Я разобрался в Хаверсоновских “Путешествиях” и одолел “Службу изысканий” Кэйгеля. Это, между прочим, две самые фундаментальные работы на эту тему. И вот сегодня я завтракал вместе с доктором Ричем и могу поклясться, что он никогда ничего не слышал о Башнях-близнецах!

Дэйн тоже никогда ничего не слышал о Башнях-близнецах и не понял, почему это так волнует Рипа. Видимо, озадаченное выражение лица выдало его, и Рип поспешил объяснить:

– Понимаешь, Башни-близнецы – ото самый значительный след Предтеч из всех, обнаруженных до сих пор Службой изысканий. Находятся они на Корво, стоят посреди кремниевой пустыни, похожи на два гигантских, высотой в двести футов пальца, указывающих в небо. Насколько удалось установить специалистам, пальцы эти литые и сделаны из какого-то материала, очень прочного, но не из камня и не из металла... Рич очень ловко увильнул, но я совершенно уверен, что он никогда об этом не слышал.

– Но если это такая знаменитая штука... – начал было Дэйн, и тут вдруг до него дошло, что может означать невежество доктора Рича.

– Да-да, почему наш доктор понятия не имеет о самой важной находке по его специальности? Тут возникают кое-какие вопросы, не так ли? Хотел бы я знать, навёл ли капитан о нём справки, прежде чем заключить контракт...

На этот вопрос Дэйн ответить мог.

– Документы у него в порядке, – сказал он. – Мы носили их в Космическую полицию. Они дали разрешение на экспедицию, иначе нас бы просто не выпустили из Наксоса...

Рип признался, что это верно – не выпустили бы. Правила работы ракетодомов на планетах Федерации были достаточно строги и обеспечивали по крайней мере девяностопроцентную уверенность в том, что лица, прошедшие процедуру проверки, располагают подлинными удостоверениями и действительно имеют разрешение на вылет. А на периферийных планетах, особенно привлекательных для браконьеров и преступников, Космическая полиция удваивала свою бдительность.

– И всё-таки о Башнях-близнецах он ничего не знает, – упрямо повторил помощник штурмана.

С точки зрения Дэйна, эти слова звучали достаточно веско. Ведь невозможно служить с человеком на одном звездолёте и при этом не узнать его так близко, как никогда не способны узнать друг друга люди, обитающие в обычных условиях цивилизации. Если уж Рип утверждает, что доктор Рич – не тот, за кого себя выдаёт, значит, он в этом действительно убеждён, и Дэйн верил ему полностью.

– А что говорится в законах относительно следов Предтеч? – спросил Шэннон после паузы.

– Очень мало. Торговцы никогда ещё не находили ничего существенного и не заявляли прав на свои находки...

– Значит, если мы найдём что-нибудь стоящее, нам не на что будет сослаться как на прецедент?

– Видишь ли, – сказал Дэйн, – отсутствие прецедента – это палка о двух концах. Изыскатели пустили Лимбо на продажу, так? Значит, можно считать, что Федерация утратила права на эту планету... Здесь, понимаешь, получается такая юридическая путаница...

– Отменнейший казус, – прогудел над их головами Ван Райк. – Тот самый казус, о котором мечтает половина всех законников в мире. Процесс по такому казусу тянулся бы годами, тянулся бы до тех пор, пока обеим сторонам все это не осточертело или они не почили бы в

бозе. И вот именно поэтому мы совершаем наш перелёт с федеральным открытым листом в сейфе.

Дэйн усмехнулся. Он мог бы догадаться, что такой матёрый волк в торговле, как его шеф, конечно же, предусмотрел все, что лежит в пределах человеческих возможностей. Открытый лист на любые находки! Все, что они найдут на Лимбо, принадлежит им и только им!

Однако Рипа все ещё одолевали сомнения.

– А на какой срок открытый лист? – спросил он.

– Как обычно – год и один день. Надо полагать, изыскатели не так уверены в возможности что-нибудь там обнаружить, как наши пассажиры.

– А вы сами как думаете, сэр? – спросил Дэйн. – Найдём мы там что-нибудь?

– Я никогда не загадываю наперёд, когда речь идёт о новой планете, – невозмутимо ответил стовал Ван Райк. – В нашем деле полным-полно ловушек. И если человек возвращается домой с целой шкурой, звездолёт у него в порядке, а в кармане – кое-какая прибыль, значит, боги глубокого космоса были добры к нему. О большем мечтать не стоит.

Во время перелёта сотрудники Рича держались обособленно, питались они собственными продуктами, из тесного своего помещения почти не выходили, да и к себе никого не приглашали. Мура сообщал, что они только и делают, что либо спят, либо играют в какую-то сложную азартную игру, которой их обучил ригелианин.

Доктор Рич столовался вместе с командой “Королевы” и появлялся в кают-компании, когда народу там было немного, причём эти немногие всегда оказывались работниками инженерной секции, и непонятно было, случайно так получалось или доктор намеренно выбрал себе в сотрапезники инженеров. Под предлогом необходимости изучить будущую арену своих действий он попросил в своё распоряжение микрофильм о Лимбо. Пользоваться микрофильмом ему разрешили, однако всякий раз, когда он располагался с проектором, рядом оказывался суперкарго, а суперкарго, по глубокому убеждению Дэйна, видел и замечал все, каким бы рассеянным и задумчивым он ни казался.

Как и было рассчитано, “Королева” вышла в обычное пространство неподалёку от Лимбо. Орбита Лимбо имела размер орбиты Марса, а две другие планеты этой системы располагались так далеко от местного солнца, от зоны тепла и света, что представляли собой ледяные, совершенно безжизненные миры. Когда “Королева” вышла на посадочную орбиту, проходящую через атмосферу, где корабль должен был погасить скорость до скорости посадки, инженер-связист включил все обзорные экраны. И те, кто не стоял на вахте, увидели смутные очертания нового мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.